

Ратенау Вальтер

Новое государство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В16

В16 **Вальтер Р.**
Новое государство / Ратенау Вальтер – М.: Книга по Требованию, 2023. –
44 с.

ISBN 978-5-519-80355-7

ISBN 978-5-519-80355-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

местов, необходимых для поддержания боевой готовности Германии. Начав с нескольких служащих в двух комнатах военного министерства, Ратенау развернул громадный отдел в этом ведомстве и положил начало всей системе военно-хозяйственного регулирования, которой так отличалась Германия в минувшую войну. Теперь, когда *Kriegswirtschaft* и *Zwangswirtschaft* встречаются в Германии уничтожительную критику и обнаруживаются многочисленные дефекты этой, казалось, блестящей системы, Вальтер Ратенау подвергается резким нападкам своих политических противников, критиков военного социализма, промышленной социализации и других видов „этатизма“. Свой военно-промышленный опыт Ратенау обобщил в статье: „Deutschlands Rohstoffversorgung“.

С 1916 года Вальтер Ратенау становится весьма плодовитым писателем, выпуская каждый год по несколько литературных работ ¹⁾, выдерживающих многочисленные издания.

Сочетая в своей деятельности философско-публицистические занятия с финансово-техническими и промышленными комбинациями крупного предпринимателя; являясь буржуа большого размаха и в то же время имея близкие к социализму воззрения; общаясь с практиками жизни—инженерами, генералами, чиновниками, министрами и партийными лидерами, и по своему стремясь к вершинам чистого познания; будучи евреем и в то же время близким лицом к императору; соединяя в себе германский патриотизм пруссак с французской светскостью космополита и немецкий идеализм с англо-американской деловитостью—Ратенау всегда давал повод для самых разнообразных против него выпадов, критических разоблачений и памфлетов. О нем имеется целая литература, полная восхвалений, восторгов, ненависти и полемических страстей.

В 1921 г., как сторонник западнической (французской) ориентации в германской политике, он принимает участие в переговорах в Спа, а затем и в Висбадене с Лудлером. В июне 1921 г. становится министром восстановления хозяйства (*Wiederaufbau*), а в феврале 1922 г. Министром Иностранных Дел.

Литературно-философская физиономия Вальтера Ратенау довольно своеобразна и представляет собой духовное явление симптоматическое для культурного европейца нашего времени. Своеобразие его— в стиле, в манере письма, в лапидарных искрообразных блестящих

¹⁾ См. приложенный список.

формулировках, в легком понимании самых трудных проблем в их какой-то практически-жизненной осязательности. Симптоматичность— в неудовлетворенности, в томлении духа, в искании новых идей, нового смысла с неустрашимостью диллетанта и размахом новатора. Не наука, которые познает существующее, а интуиция и вера средства его постижения и предвидения, и в этом смысле Ратенау находится отчасти под влиянием Бергсона. Мы живем в эпоху универсальной механизации жизни, механизации духа („Mechanisierung des Geistes“). Рассудочность, интеллектуализирование, принцип целесообразности— вот черты нынешнего времени. Должно наступить освобождение души из ее оков, из опустошительного для духа коловращения современного большого города. Его идея: одухотворить хозяйство, государство, промышленный труд и повседневную жизнь, и когда он трактует о самых материальных вещах, то чувствуется, что все это делается в интересах духа. Этими мотивами проникнуты самые интересные его работы „Zur Kritik der Zeit“, „Von kommenden Dingen“ и „Zeitliches“.

Его хозяйственные воззрения основаны на той мысли, что „хозяйство не есть дело отдельных людей, а дело общественности“. Он мечтает о таком частном хозяйстве, которое оставаясь самостоятельным, руководилось бы интересами целого, которое бы автономно принимало гипостазированную в государстве волю общества и ощущало бы ее не как навязанную, а как проявление свободного духа. Он считает, что собственность, потребление и право на удовлетворение потребностей не может быть частным делом.

Ратенау мучительно ищет гармонического сочетания индивидуальной свободы духа с организованной государственностью социального целого, как высшего единства.

Его социалистические (не в обычном, а скорее в прусско государственном смысле) идеи рассеяны по всем статьям и работам, посвященным критике современного общества, хозяйства и государства. Особенно остро формулированы эти мысли в „Probleme der Friedenswirtschaft“, в „Neue Wirtschaft“, „Autonome Wirtschaft“, „Die neue Gesellschaft“, „Von kommenden Dingen“.

Предлагаемая в переводе работа „Новое государство“ с несколько иным подходом критикует современное государство европейского типа с его непредметным деланьем культуры с его неработоспособным и неадекватным существом дела парламентаризмом. Ратенау мечтает об органической цельности и одухотворенности государства

построенного на корпоративных, профессиональных представительствах, на таких Советах, которые бы на с а м о м д е л е совместно, плюралистически (вместо формально единого парламента) осуществляли бы единство государства. Он убежден, что такая советская система призвана заменить собою идею западно-европейского парламентаризма. Он предсказывает это в другой книге „Kritik der dreifachen Revolution“.

Ратенау особенно интересен всегда своим трепетным отношением к будущему. Он всегда стремится не только знать, видеть, но и предвидеть, связать современность со смыслом прошлого и предвещанием будущего. Его многочисленные статьи о Германии, о судьбе германской нации, о войне, об ее исходе, об императоре („Der Kaiser“ выдержало десятки изданий), об его—Ратенау—предостережениях Вильгельму II, Людендорфу насчет опасностей затяжной войны—все это и в момент опубликования, и даже сейчас привлекает внимание остротой и смелостью суждений, провиденциальностью, и в общем глубоко трагично, как судьба и неудача германского народа... Особенно много достается теперь Ратенау за прошлые ошибки, противоречия и несоответствия в его прогнозах, предсказаниях и высказываниях, но нет ничего легче, как теперь находить все это в выступлениях столь разнообразного, смелого и модернистского деятеля, каким является Вальтер Ратенау.

Изучение Ратенау, несмотря на его часто дилетантское трактование многих вопросов, несмотря на публицистическую злободневность многих специально немецких тем—представляет для нас русских существенный интерес. Оно помогает нам понять смысл нашего кризиса в связи с судьбой западно-европейской культуры.

Я. Букшпан.

Москва, март 1922 г.

Список сочинений Вальтера Ратенау.

Первая книга, относящаяся к 1901 г., „Impressionen“. В 1908 г. опубликован большой том его „Reflexionen“.

Пять томов, изданных в 1918 г. S. Fischer'ом (Berlin), заключают в себе следующее:

- T. I. Zur Kritik der Zeit (1912).
Mahnung und Warnung (1908—1914).
Über Englands gegenwärtige Lage.
Politik, Humor und Abrüstung.
Staat und Judentum.
England und wir.
Politische Auslese.
Parlamentarismus.
Eumenidenopfer.
Deutsche Gefahren.
1813.
Zur Lage.
Geschäftlicher Nachwuchs ¹⁾.
- T. II. Zur Mechanik des Geistes (1913).
Einleitung und Rechenschaft.
Die Evolution des erlebten Geistes.
Die Evolution des erschauten Geistes.
Die Evolution des praktischen Geistes.
I. Die Ethik der Seele.
II. Die Ästhetik der Seele.
III. Die Pragmatik der Seele.
- T. III. Von Kommenden Dingen (1917).
Einleitung.
Das Ziel.
Der Weg der Wirtschaft.
Der Weg der Sitte.
Der Weg des Willens.
- T. IV. Aufsätze. (1903—1917).
Von Schwachheit, Furcht und Zweck.
Ein Traktat vom bösen Gewissen.

¹⁾ Напечатано добавленным к отдельному изданию „Zur Kritik der Zeit“ 1919.

Das Grundgesetz der Ästhetik.
Widmungen.
Geschäftliche Lehren.
Vom Wesen industriellen Krisen.
Vier Nationen.
Englands Industrie.
Massengüterbahnen.
Promemoria betreffend die Begründung einer Königlich preussischen Gesellschaft.
Schule und Bildung.
Ungeschriebene Schriften.
Physiologisches Theorem.
Frühere Schriften (1898—1901).
Zur Physiologie der Geschäfte.
Die Resurrection Co.
Talmudische Geschichten.

T. V. Reden und Schriften (1915—1917).
Gedächtnisrede für Emil Rathenau.
Deutschlands Rohstoffversorgung.
Probleme der Friedenswirtschaft.
Eine Streitschrift vom Glauben.
Vom Aktienwesen.
Die neue Wirtschaft.

Кроме пяти томов опубликованы отдельными изданиями новые сочинения:

Zeitliches (1918), 25 изданий.
~~Autonome Wirtschaft (1919).~~
~~Der neue Staat (1919), 15 изданий.~~
~~Die neue Gesellschaft (1919), 16 изданий.~~
Kritik der dreifachen Revolution (1919).
Nach der Flut (1919), 15 изданий.
Der Kaiser (1919), 50 изданий.
Demokratische Entwicklung (1920).
Was wird werden (1920).

Разные статьи из пяти томов и из других изданий вышли также в виде отдельных книжек.

Напр.: „Zur Kritik der Zeit“ (из I т.), 17 изд.; „Von kommenden Dingen“ (из III т.), 65 изд.; „Die neue Wirtschaft“ (из V т.), 49 изд.; „An Deutschland's Jugend“ (1918).

Многочисленные статьи в газетах и журналах: „Zukunft“, „Berliner Tageblatt“, „Vossische Zeitung“, „Frankfurter Zeitung“, „Tag“ и др.

Новое государство.

1.

Наступило мгновение,—которого нигде так не боялись, как в Германии,—когда нужда заставляет нас вмешаться в существующее, исторически-сложившееся, чтобы творить еще небывалое.

Империя и государства погибли и должны вновь возникнуть.

И теперь, так как мгновение велико и выпадает из обычного хода времени, внезапно обнаруживается в своем истинном свете столь многое, что ранее частью было затуманено, частью стало невидимым в силу давней привычки; последствия чего мы видели, не доискиваясь, по инертности, их причин.

Теперь обнаруживается, почему ученость заснула в историзме, не уставая, по старому приему, восхвалять медленно возникшее, мнимое естественные и богоданное и хулить сознательный, строящий разум.

Почему? Потому что творчество без готовых образцов не соответствует нашей природе, так как мы привыкли перенимать формы, изменять их, наполнять их содержанием, но не творить формы.

Теперь обнаруживается, почему строй империи и государств, почему администрация и иерархия были неестественными, запутанными механизмами, которые годились для медленного движения при хорошей погоде, при большем напряжении тормозили движение, и в настоящем состоянии оказались непригодными.

Почему? Потому что партикуляризм был лишь на третью часть тем, чем он должен был быть,—самосознанием и своеобразием племен. На две трети он был тем, чем он нам являлся: тихой ненавистью между братьями, ленивой склонностью к привычному, личным раздором.

Теперь обнаруживается, почему оказа́лось возможным, что мы запоздали по меньшей мере на столетия, оставшись островом феодализма.

Почему? Потому что была какая-то правда в том, что в минуты интимности высказывали феодальные господа. Нас сдерживала кора милитаризма. Наша масса мягка; теперь, когда когда кора надломлена, масса растекается, широко и безформенно. Уже нельзя больше распознать наших национальных качеств—самосознания, уверенности в себе, даже чувства чести; мы подобны сарматским толпам. Плазма не хочет оформиться, приобрести прочность, устойчивость направления. Но без твердости нет формы.

2.

Если бы было иначе, если бы мы, при всех противоположностях в интимном, обладали все же целостным духом, если бы мы умели творить форму, достигать формы через своеобразие и твердость субстанции,—то мы переживали бы величественное мгновение самозидания.

Возникло бы творение свободы, достойное немецких духовных сил, немецкой воли к самоуглублению—зримое тело народного духа, как завершение прошлого, как сосуд, в котором отливалось бы будущее: самозданное, творческое немецкое государственное устройство. Так возникла Англия, Америка, Франция, по образцу которых созданы и переделаны великие государства мира.

Если нам суждено и предопределено хотя бы с запозданием, как последнему из европейских народов, вновь воплотиться,—то наш образ должен определяться не духом прежних веков и чуждых народов, а существом германского духа и предвидящим созерцанием новой германской эпохи, которая вместе с тем должна быть новой мировой эпохой.

~~Пятидесятилетняя мировая держава второй германской империи отошла в прошлое и никогда более не вернется. То, что выдавало себя за существо германского духа, что—согласно безответственной болтовне за пивным столом его представителей—должно было спасти мир: царство приказчиков и ассессоров, филистерское, злобное бахвальство силой юнкеров, фабрикантов, гимназических учителей и канцеляристов—это антигерманское уродство пожрало само себя, но вместе с тем отдало владычество над миром англосаксам, которые еще некоторое время—пока мировое владычество вообще воз-~~

можно—будут осуществлять его, руководясь простыми правилами, без грубо-намеренных несправедливостей, с политическим разумением, без вдумчивой человечности.

Народу же предстоит воплотить истинную германскую сущность, которая неприкосновенна и независима от мощи и внешнего влияния—ту сущность, которая опирается на объективность и личный гений, на многообразие и единство, на умозрение и действительность, на логику и чувство; и воплотить ее прежде всего в государственном строении.

Должно было бы возникнуть государственное устройство, германский характер которого был бы виден уже издадека,—устройство, которое не приспособляется лгтивно к данному, а заполняет его новым смыслом; устройство, которое хотя и не просто—оно не может быть таковым, ибо мы сами не просты,—но и не основано на компромиссе, а дает возможность каждому члену, как живому органу, выполнять свое особое назначение; устройство, которое столь же понятно для всех, столь же самоочевидно выражало бы дух страны в Штутгарте, как и в Кенинсберге, и которое прежде всего было бы родиной новой эпохи—эпохи равенства всех состояний и слоев.

Совершенно справедливо то, что говорят революционеры: немецкая революция не завершилась, она даже еще не началась. Но завершится она не с сегодняшнего дня на завтрашний; завершится она не большевиками и спартаковцами, а рядом народных творений, из которых первым должно быть социальное и демократическое устройство,—устройство, которого ни существует ни в монархических, ни в плутократических странах, ни в странах мелкой городской буржуазии, ни в земледельческих буржуазных странах. Это должно быть устройство германского будущего.

Все равно, какую бы пьесу мы ни разучивали на возобновленной сцене Гете—клятву ли союзников, польский рейхстаг или ярмарку в Плундерсвейлере—в этом обезбоженном пространстве, под давлением Спа и Трира, в кругу самодовольных якобинцев и революционных генералов не родится германское государство. Что бы тут ни возникло—будет ли то немецкая рекламная деревня на чикагской выставке, или династическая казарма Бисмарка—все это, говоря еще раз языком „великого времени“—будет лишь суррогатом и паллиативом.

Тем лучше, у нас есть время. Что творится, растет из глубины.

Сомнение помогает раскапывать глубины. Мы хотим подвергать сомнению существующие понятия—прежде всего понятия государства, мы хотим говорить о том, что буржуа называет утопией и что реальнее всего на свете — о разумном. Тогда мы создадим простор для оснований, из которых позднее—но никогда не слишком поздно—вырастет будущее строение.

3.

Политическое государство в его высшей форме империалистического государства имело в войне свою великую, свою последнюю эпоху.

Для нас империализм окончен, у других народов он уже переходит свой апогей. Лига наций отнимет у государств часть их военного суверенитета, социальный переворот мира доделает остальное. Суверенитет станет в течение этого века коллективным понятием.

Тогда будет закончено тысячелетнее движение. Чисто политическое понятие государства потеряло свое единственное в своем роде, никем не оспоримое верховенство в построении наций. Открывается простор для новых форм.

И отдельный человек был сначала творением чистой самозащиты лишь потом он стал носителем хозяйственной деятельности, и наконец—творцом нравственного совершенствования и культуры. Теперь разве только в самые бурные минуты человек думает о самозащите, не посвящает себя внутреннему и внешнему формированию своей жизни.

Государство так давно, столь много тысячелетий тому назад начало овладевать всей волевою жизнью наций, что мы—все равно, было ли его творящей силой родство, общение, религия или защита—можем представлять его только, как универсальную форму жизни, и почти не ощущаем того парадокса, что все его области подчинены политике.

Нас должно было приводить в изумление неизмеримое многообразие административных организаций, товариществ, союзов, корпораций и обществ, сеть которых с каждым днем уплотняется новыми нитями, так что никто из нас не может уже сказать, сколько таких общественных нитей связываются в нем. Иные из этих связей, которые пронизывают гражданскую, местную, профессиональную, хозяйственную, личную, духовную и религиозную жизнь, ведут назад к центру политического государства, многие из них образуют отре-